

- ¹⁹ Здесь и далее — остеологические определения сотрудника Института экологии УрО РАН П. А. Косинцева.
- ²⁰ См.: Косинская Л. Л. Некоторые результаты статистического анализа кремневого инвентаря стоянок каменного века бассейна Вычегды // Памятники эпохи камня и металла Северного Приуралья. Сыктывкар, 1988. С. 33—47.
- ²¹ См.: Генинг В. Ф. Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок // СА. 1973. № 1. С. 132.
- ²² См.: Рычков Н. А. Статистический анализ погребального обряда племенной культуры // Теория и методика археологических исследований. Киев, 1982. С. 111—136.
- ²³ См.: Касымов М. Р., Крижевская Л. Я. О классификации кремнеобрабатывающих мастерских // СА. 1969. № 1. С. 265—268.
- ²⁴ См.: Рыболовный и морской промысел в эпоху мезолита — раннего металла. Л., 1991.
- ²⁵ См.: Буров Г. М. Археологические находки в старичных торфяниках бассейна Вычегды // СА. 1966. № 1.
- ²⁶ См.: Он же. Запорный лов рыбы в эпоху неолита в Восточной Европе // СА. 1988. № 3. С. 145—160.
- ²⁷ См.: Там же. С. 158.
- ²⁸ См.: Он же. Древний Синдор. М., 1967. С. 91—94.
- ²⁹ См.: Лузгин В. Е. Неолитические стоянки Центрального Тимана. Сыктывкар, 1973. С. 24—46.
- ³⁰ См.: Он же. Поселение Ружникова на Косминских озерах и вопросы неолита европейского Северо-Востока // Археологические исследования в бассейне Печоры. Сыктывкар, 1973. С. 22—33.
- ³¹ См.: Хлобыстин Л. П. Проблемы социологии неолита Северной Евразии // Охотники, собиратели, рыболовы. Л., 1972. С. 31.
- ³² См.: Общественный строй у народов Северной Сибири XVI — начала XX в. М., 1976. С. 136; Долгих Б. О. К вопросу о соотношении большой и малой семьи у народов Севера в прошлом // Социальная организация и культура народов Севера. М., 1974. С. 21—57.

Л. А. НАГОВИЦИН
Удмуртский Институт истории, языка и литературы УрО РАН

ДИСКУССИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ В ИЗУЧЕНИИ НОВОИЛЬИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Честь открытия новоильинской культуры принадлежит О. Н. Бадеру. Раскапывая в 1950-е гг. древние памятники в зоне затопления Камского водохранилища, он обратил внимание на своеобразную посуду, встречающуюся на поселениях Бор IV, Боровое озеро III и др. Формой, примесью в глиняном тесте и гребенчатым орнаментом она во многом напоминала неолитическую. Первоначально О. Н. Бадер назвал ее «флажковой» и отнес к концу неолита, но затем, учитывая новые материалы и то, что узор в виде «флажка» встречается крайне редко, стал называть новоильинской, или гагарской, и датировал временем позднегаринских памятников¹. Одновременно и позднее некоторые новоильинские памятники в Верхнем и Среднем Прикамье изучал В. П. Денисов.

В 1970—1980-е гг. были открыты новые памятники этой культуры, в том числе в других районах Волго-Камья. В Ниж-

нем Прикамье несколько поселений исследовали Р. С. Габяшев, А. А. Выборнов, М. Ф. и Г. Т. Обыденновы, В. С. Стоколос раскопал Старонагаевский могильник, давший выразительную коллекцию новоильинской посуды. Ряд поселений был обнаружен в бассейне р. Вятки Т. М. Гусенцовой, Л. А. Наговициным и др., на Средней Волге — В. В. Никитиным. Продолжалось изучение новоильинских древностей в Верхнем и Среднем Прикамье В. П. Денисовым, А. Ф. Мельничуком, С. Н. Коренюком.

В настоящее время памятники новоильинской культуры известны на всей территории Волго-Камья, что наглядно свидетельствует о ней как о крупном и достаточно долговременном культурном явлении. Вместе с тем степень ее научного осмысления пока невысока. Достаточно сказать, что культура не исследована на монографическом или диссертационном уровне, а в научный оборот в той или иной степени введено немногим более 15 памятников. Первое обобщение по ней выполнил О. Н. Бадер, отметив, что детальное изучение этого явления — дело будущего. В 1980-е гг. некоторые итоги в исследовании новоильинских древностей по отдельным районам были подведены Р. С. Габяшевым, А. А. Выборновым (Нижнее Прикамье)², В. В. Никитиным (Среднее Поволжье)³ и Л. А. Наговициным (Прикамье и Вятский край)⁴.

Тем не менее вопросов в изучении культуры остается больше, чем имеется ответов. Дискутируются такие проблемы, как истоки и финал культуры, ее хронологическая позиция; нет единства даже по вопросу о характерных особенностях культуры, составляющих ее специфику, какие памятники к ней относятся и т. д., не говоря об исследовании проблем социально-экономической и этнической истории новоильинского населения.

Данная статья посвящена двум вопросам: обоснованию авторской позиции о новоильинской культуре и рассмотрению ее хронологического места среди других культур эпохи энеолита.

Напомним кратко характеристику новоильинской культуры по О. Н. Бадеру. В керамике: полуяйцевидная форма сосудов с прямым или открытым горлом, примесь шамота, реже песка или органики. Венчики по толщине равны стенкам и обычно скошены внутрь или слегка отогнуты наружу. Стенки хорошо заглажены, встречаются следы обработки (заглаживания) зубчатым штампом. Орнамент разреженный, состоит из отпечатков средне- и крупногребенчатых штампов прямоугольной и овальной формы и реже ямочных вдавлений; украшался и венчик. Узоры простые, в большинстве повторяют неолитические, но отсутствует шагающая гребенка, изредка встречается «флажок». Каменный инвентарь сходен с неолитическим, но ряд черт указывает на более поздний возраст, например, наконечники стрел с усеченным основанием. О. Н. Бадер считал, что новоильинцы пользовались металлом. Типология жилищ специально исследователем не рассматривалась, но, судя по его замечаниям, тип

построок определялся как прямоугольные удлиненные полуземлянки.

Работы 1970—1980-х гг. позволили существенно дополнить сведения о новоильинских древностях как за счет памятников, открытых в новых районах, так и по новым поселениям, изученным на р. Каме. В настоящее время к новоильинской культуре можно отнести около 60 памятников. Число их может увеличиться, если появится полная информация о стационарных и разведочных работах последних лет. Судя по публикациям, новоильинские поселки состояли из 1—3 жилищ. Большинство их открыто на первых борových террасах или на их останцах высотой чаще всего 1—5 м над уровнем поймы. Следует отметить, что памятники не концентрируются группами, как более поздние волосовские, юртиковские или гаринские. Наиболее крупные и выразительные коллекции материала, прежде всего керамики, получены на поселениях III Новоильинское, III Гагарское, I Заюрчимское, Усть-Очер I, Зверев в Верхнем и Среднем Прикамье; Сауз I—IV, II Татарско-Азибейское, III Русско-Азибейское и Старонагаевский могильник в Нижнем Прикамье; IV Кочуровское, I Средне-Шадбеговское, Арбажский льнозавод в бассейне р. Вятки; Красный Мост II—III, Дубовское VIII в Среднем Поволжье.

Жилища преимущественно удлиненной формы: IV Кочуровское — $13 \times 7,5$ м; 18×8 м; Усть-Паль — 11×5 м; I Средне-Шадбеговское — $9,7 \times 7,4$ — $7,7$ м; $7,4 \times 5,2$ — $5,5$ м; $6,9 \times 5,1$ м; III Новоильинское — 7×7 м. Глубина построек в пределах от 0,25 до 1 м. Выходы из жилищ устраивались в виде коридоров, постепенно поднимающихся от пола к поверхности. Длина их в среднем 2—3 м при ширине около 1 м. Следы от столбовых ям указывают на бревенчатую конструкцию с двускатной крышей. В целом новоильинские поселки и жилища сооружались по тем же традициям, что и неолитические.

Новоильинские сосуды полуяйцевидной формы с прямым или широкооткрытым горлом. Днища округлые, конические, встречаются и плоские. Примесь — шамот, песок, в поздних памятниках распространяется органика — 36,7 % (Среднее Шадбегово I). По цвету керамика чаще всего красно-коричневая, желтовато-песочная, коричнево-серая. Венчики округлые, приостренные, слегка отогнутые наружу, уплощенные, скошенные внутрь. У части сосудов по венчикам нанесены пальцевые защипы, отчего они выглядят гофрированными: 18,4 % на IV Кочуровском, 22,1 % в I Средне-Шадбеговском. Внешняя и особенно внутренняя поверхность посуды обрабатывалась путем заглаживания, в том числе и гребенчатыми штампами — 51,5 % в Среднем Шадбегово I.

В отличие от неолитической, орнамент новоильинской керамики более разреженный, каждый отпечаток четко отделен от другого. Узоры располагались горизонтальными поясами, меж-

ду которыми часто оставалось свободное пространство шириной до 1—5 см. Судя по венчикам и стенкам, часть сосудов, возможно, украшалась только в верхней или в нижней части. В технике нанесения узоров преобладает штамповка, выполнявшаяся средними и короткими гребенчатыми штампами прямоугольной, овальной или изогнутой формы; использовались и штампы с косыми зубцами. Редко применялись гладкие штампы, ногтевидные насечки, прочерченные линии, рамчатые штампы, а также шнур, намотанный на палочку. Вторая по распространенности техника — нанесение ямочных вдавлений: круглых, овальных, неправильных, а также кружковых отпечатков, выполненных полым штампом (рис. 1, 2).

Узоры простые и во многом повторяют неолитические. Наиболее часто встречаются пояски из наклонных (вправо-влево), вертикальных и горизонтальных линий, зигзаг; значительно реже — ромбы, треугольники, диагональные линии, «флажок», «решетка» и др. Каждый узор имеет варианты, например, горизонтальная линия может быть сплошной, прерывистой, зигзаг встречается простой, двойной или тройной и т. д.

Узоры в виде шагающей гребенки и «флажка» встречаются лишь на отдельных сосудах некоторых стоянок — II Татарско-Азиевской; III Русско-Азиевской, Боровое озеро II—III, Гадарской III, Заюрчим I. Редкую встречаемость «флажка» на керамике отмечал еще О. Н. Бадер и поэтому предлагал избегать термина «флажковая керамика», подчеркивая, что это слово сразу наводит на мысль о керамике эпохи поздней бронзы, на которой «флажок» встречается весьма часто.

Различные элементы орнамента образуют одни и те же узоры, дополняют друг друга. Чаше это гребенчатый и ямочный, причем последний играет подчиненную роль. Узоры размещались в разных сочетаниях, создавая определенные композиции. Наиболее часто встречаются несколько схем: 1) пояски из чередующихся в разных сочетаниях наклонных отрисков, включая «елочку»; 2) пояски из вертикальных линий; 3) из наклонных, вертикальных и горизонтальных линий, дополняемых зигзагом, геометрическими фигурами и другими узорами. Ямки использовались в качестве дополнительного элемента, придавая большую нарядность орнаменту. Вместе с тем, если судить по значительному количеству крупных фрагментов стенок только с ямочным узором, часть сосудов могла быть украшена полностью или почти полностью ямками. Орнаментировались также и торцы венчиков — чаще всего гребенчатыми штампами, реже ногтевидными насечками, пальцевыми защипами, иногда и мелкими ямками.

Каменный инвентарь. Культурные слои большинства новоильинских поселений смешаны и содержат остатки других культур с кремневым инвентарем. Поэтому при изучении собственно новоильинской каменной индустрии следует опираться на мате-

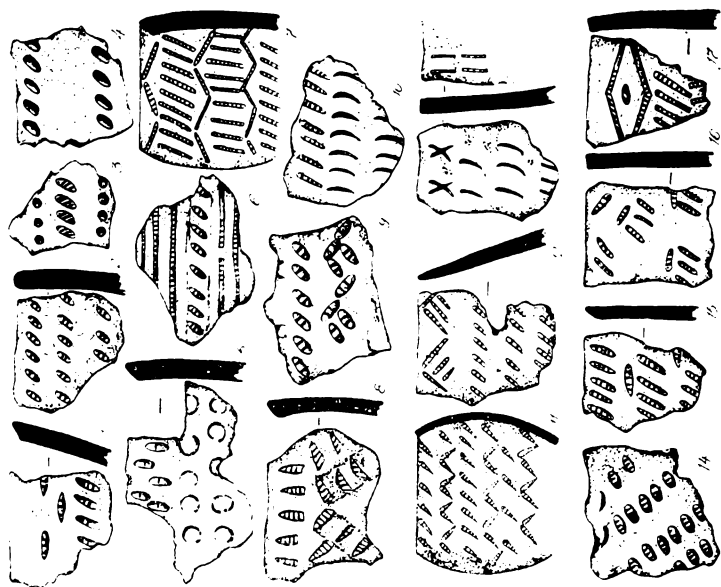

Рис. 1. Керамика нововильинского типа:

1 — Тюркма; 2—3 — Усть-Очер; 4—5 — Боровое озеро II;
6 — Усть-Паль; 8—10 — Гагары; 11—12 — Татарский
Алсей II; 13 — Русский Алсей; 14 — Сауз I;
15—17 — Сауз II

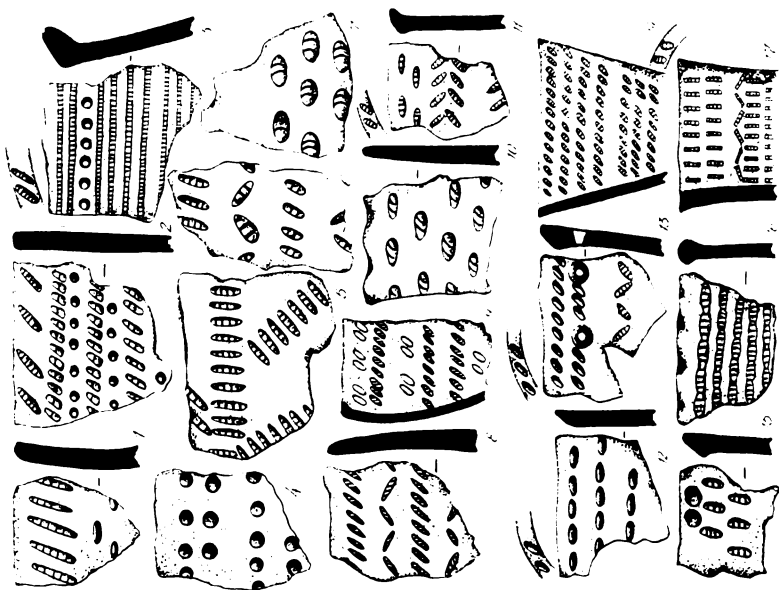

Рис. 2. Керамика нововильинского типа:

1, 2, 4 — Красный Мост; 3, 5—7 — Дубовское VIII;
8—10 — Кочуровское IV; 11—17 — Среднее Шадбегоно I

риалы относительно «чистых» поселений, а также на находки из заполнений жилищ, например, IV Кочуровского и I Средне-Шадбеговского поселений.

Для орудий новоильинские мастера использовали местные материалы, в том числе плитчатый камень. Цвет кремня различен, часто встречается серый, коричневый, пестроцветный с общим серым фоном, хотя по отдельным районам пропорции могут быть разными. На поселениях проводилась первичная и вторичная обработка сырья и заготовок, на что указывают находки кусков кремня, отщепов и пластин с желвачной коркой и без нее, а также нерасколотых галек и чешуек. В то же время это не исключает и существования мастерских или специальных мест по первичной обработке кремня вблизи его выходов или на поселениях. Например, в жилище на поселении Усть-Очер, по сообщению А. Ф. Мельничука, отмечено место изготовления наконечников стрел, где помимо целых изделий найдено много заготовок и большое количество чешуек.

В технике раскалывания кремня преобладала отщеповая индустрия, но для ножей, острий и наконечников использовались также и пластины. Например, доля орудий на пластинах на поселении Среднее Шадбегово I—13,1 %, на Усть-Очере I—47,5 %. Стратиграфические и планиграфические наблюдения на поселении Усть-Очер I позволили установить четкую связь пластинчатой индустрии с энеолитическими материалами. В одной из ям этого памятника прямо в развале новоильинского сосуда было найдено несколько десятков ножевидных пластин. Технику раскалывания кремня иллюстрируют нечеткие нуклеусы конической и призматической форм с негативами скалывания пластин, а также аморфные ядрища с негативами от снятия пластин и отщепов. В обработке орудий представлена как двухсторонняя ретушь, так и односторонняя.

Набор орудий во многом повторяет номенклатуру изделий эпохи неолита. Крупными сериями представлены скребки, среди которых многочисленны орудия на отщепах подквадратной, подпрямоугольной и трапецевидной формы. Некоторые из них имеют выделенные путем подработки справа или слева приостренные уголки. Вероятно, это скребки-резчики, скребки-проколки. Распространены также скребки на пластинах и овально-округлые на отщепах и поперечных сколах с нуклеусов.

Большинство ножей изготовлялось из отщепов и кремневых плиток разнообразных форм. Особую группу составляют так называемые фигурные ножи, имеющие прототипы в неолите: саблевидные, листовидные, трапецевидные и т. п. Характерными являются также скребки-ножи на крупных пластинах. Края пластин по всей длине обрабатывались в основном скребковой ретушью, которая сходится на приостренных или закругленных концах орудий.

Наконечники стрел разнообразны: листовидные с округлой

или приостренной пяткой; короткие и вытянутые листовидные с усеченным основанием. Найдены также ромбические, треугольно-черешковые, миндалевидные. Часть наконечников, судя по заготовкам, изготовлялась из пластин или пластинчатых отщепов. С новоильинскими комплексами, возможно, связаны отдельные наконечники стрел кельтеминарского типа на пластинах (Бор IV, Зверево).

Обычными типами представлены сверла, проколки, отбойники из удлиненных галек, скобели. Встречаются резцы на пластинах с короткими сколами на углу (Усть-Очер I, Гагарское IV, Зверево), абразивные инструменты в виде подпрямоугольных брусочков из мелкозернистого песчаника (Новоильинское III, Зверево). Найдено несколько каменных молотов с перехватами. Рубящие орудия делались из сланца и кремня. Это небольшие тесла, долота, топоры. Из обломков шлифованных орудий иногда изготовлялись скребки и пилки.

На новоильинских поселениях обнаружены следы производства металлических орудий. Количество этих находок невелико: медный слиток, 2 уплощенных стрижня (Новоильинское III), капли меди (Усть-Очер I), неопределенный медный предмет и овальная бляшка с ромбическим отверстием (III Гагарское). На III Гагарском поселении найдены фрагменты округлой тарелкообразной литейной формы со слабо приподнятыми краями и следами от капель меди. Анализы медных предметов пока не сделаны. Поэтому можно лишь предполагать, что новоильинцы, как и позднеэнеолитическое население Волго-Камья, использовали залежи медистых песчаников, широко представленных в регионе.

Вышеописанные черты материальной культуры характерны в целом для памятников всех районов расселения новоильинского населения. Вместе с тем какие-то из них больше присущи одному или двум районам (в основном по керамике), а в других фиксируется лишь их наличие. Подобные явления свойственны всем культурным образованиям и позволяют говорить о выделении внутри них локальных вариантов: территориальных, возможно, хронологических и др. По мнению автора, в настоящее время в новоильинской культуре можно выделить достаточно определенно четыре территориальных варианта: среднекамский, нижнекамский, вятский и средневолжский.

В среднекамский объединены районы Средней и Верхней Камы, поскольку близость их памятников несомненна. Самое северное новоильинское поселение, по информации А. Ф. Мельничука, — II Васюковское близ границы Пермской области и Коми республики. К особенностям данного региона можно отнести следующие: в керамике — наличие значительного числа сосудов с широкооткрытым горлом. Судя по публикациям О. Н. Бадера, они могут составлять 25—44 % и даже более (III Новоильинское, Тюремка I, Бор IV). Характерны округлые

и плоскоскошенные внутрь венчики. В орнаменте заметна роль кружкового узора — до 17 % (Усть-Очер I). В кремневом инвентаре значителен процент пластин.

Для Нижнекамского района характерны сосуды с прикрытым и прямым горлом, венчики округлые, приостренные, с наплывом изнутри. В технике нанесения орнамента преобладают гребенчатые штампы овальной формы и с зауженными концами, доля ямочных вдавлений весьма незначительна. Представлены также узоры из ногтевидных насечек, узких изогнутых гребенчатых штампов. Встречаются узоры в виде «флажков» и шагающей гребенки.

В памятниках Вятского района наиболее многочисленны прямостенные сосуды, значительна серия венчиков с пальцевыми защипами: 22,1 % — Среднее Шадбегово I; 18,4 % — Кочуровское IV. В орнаменте доминируют гребенчатые штампы овальной формы, часто встречаются овальные ямки — 27,9 % (Среднее Шадбегово I). В каменной индустрии широко использовался плитчатый кремнь, среди орудий характерны листовидные наконечники с округлой и приостренной пяткой, ножи фигурных форм.

Средневожским памятникам присущи сосуды с прямым и закрытым горлом, венчики с отгибом внутрь или наружу. Орнамент, особенно на стенках, выглядит весьма разнообразным как за счет различных видов гребенчатых штампов и ямочных вдавлений, так и узоров. Однако, если вычислять процент сосудов со сложными узорами, то он будет небольшим. Ямочные отпечатки округлые, использовались в качестве разделителей зон, часто в несколько линий. На многих сосудах ямки наносились под углом к поверхности, что напоминает накольчатую технику. Судя по количеству стенок, можно предполагать, что на некоторых поселениях около половины сосудов в той или иной степени были украшены ямками. Следует также отметить наличие керамики с прочерченными линиями и со шнуровыми отпечатками.

Говоря о материалах новоильинских памятников, характерных чертах и традициях населения, следует остановиться еще на нескольких вопросах. Первый из них связан с особенностями памятников в локальных районах. Например, для III Гагарского поселения характерно однообразие в орнаментации керамики, преобладание сосудов с отпечатками гребенчатых штампов прямоугольной формы. Этими чертами керамика памятника обнаруживает большое сходство с неолитической посудой за тем исключением, что в первой нет узора шагающей гребенки. Следовательно, вполне правомочен вопрос: можно ли на этом основании говорить о разных линиях развития новоильинских древностей, во всяком случае внутри среднекамского варианта? Вопрос спорный. Допустимо предполагать также, что один или несколько памятников указывают на некоторые различия в тради-

циях родовых коллективов или на специфику хронологического плана. Возможно, по мере накопления новых источников, особенно после раскопок крупных поселений, подобные памятники не будут выделяться своими особенностями.

Второй вопрос можно сформулировать следующим образом: есть ли в каждом локальном районе поселения всех этапов культуры? Ответ на него не может быть положительным, даже если не обращать внимания на разницу в точках зрения исследователей на хронологию новоильинских памятников. Действительно, если обратиться к Нижнекамскому району, то ясно, что II Татарско-Азиебское и особенно III Русско-Азиебское поселения, Старонагаевский могильник крайне близки позднеэолитическим в первую очередь по керамике. На это указывают форма сосудов, примесь, густота заполнения орнаментального поля, сами узоры и их типология. Вышеназванным памятникам близки материалы поселений Сауз I—IV, но типологические особенности их посуды указывают на более поздний возраст последних.

Сходная картина прослеживается и в других районах. Например, на Средней Волге, на наш взгляд, мы имеем пока лишь ранние новоильинские стоянки, на р. Вятке есть ранние (IV Кочуровское, Арбажский льнозавод) и поздние (I Средне-Шадбеговское), но нет соединительного звена — памятников переходного типа. Поэтому, если выделение характерных черт для культуры в целом оправдано, то выделение особенностей локальных районов на сегодняшний день условно. Последнее объясняется именно тем, что имеющиеся источники не отражают весь временной отрезок существования культуры в каждом районе.

И последний вопрос. Одну из характерных черт керамики каждого региона создают узоры из ямочных вдавлений, что в масштабах культуры отражает наследие ямочно-гребенчатого неолита. Если же рассматривать памятники по локальным районам, то на передний план выступают различия: например, ямки округлой формы больше присущи для посуды средневолжских памятников, овальные — для вятских. Вероятно, за этим кроются другие вопросы, в частности, вопрос о связях средневолжского населения с волго-окским, вятского и камского — с коллективами Северо-Востока Европы (районы Коми). Проблема связей подводит и к другому вопросу — о роли и степени участия разных племен в сложении новоильинцев и далее — об этногенезе местных прикамских народов.

Проблема хронологической позиции новоильинской культуры наиболее дискуссионна. В ее изучении наметилось два основных подхода. О. Н. Бадер считал, что истоки культуры, а значит и наиболее ранние памятники, находятся где-то в бассейне р. Вятки или в Нижнем Прикамье, а среднекамские материалы отражают поздний этап. Поэтому он датировал новоильинские древности позднегаринским временем (XVI—XIV вв. до н. э.), счи-

тая, что взаимодействие двух энеолитических культур приводит в конечном итоге к появлению борских памятников. Позднее его точка зрения была поддержана и развита в работах Р. С. Габяшева⁵, А. А. Выборнова⁶ и Т. М. Гусенцовой⁷. Иной позиции придерживаются Л. А. Наговицин⁸ и В. В. Никитин⁹, А. Ф. Мельничук¹⁰ и другие археологи, доказывающие раннеэнеолитический возраст новоильинской культуры. Чтобы разобраться в существе вопроса и в позициях исследователей, обратимся к материалу.

Стратиграфия. Новоильинских памятников с четкой стратиграфией, где культурные слои отличались бы по цвету и разделялись стерильными прослойками, в Волго-Камье нет. Однако есть памятники, опираясь на которые, можно говорить об определенных стратиграфических наблюдениях.

Нижнее Прикамье. На поселениях III Русско-Азиевском, Игимском и Золотая Падь II слои с новоильинской керамикой были прорезаны жилищами с посудой развитого и позднего гаринского типа¹¹. Кроме того, на поселениях II Татарско-Азиевском и III Русско-Азиевском новоильинская керамика залегала в ряде объектов совместно с энеолитической накольчатой, сопровождавшейся предметами металлургии¹².

Более сложная картина зафиксирована на поселении Сауз II. Памятник исследовался неоднократно¹³. Наиболее важны в данном случае наблюдения А. А. Выборнова, который установил, что выход жилища 1 прорезал жилище 3. В соединенных жилищах 1 и 2 совместно залегала новоильинская и гаринская керамика, а в жилище 3 — только гаринская. Основываясь на этих и других наблюдениях, авторы и, в частности, А. А. Выборнов сделали вывод о том, что в низовьях р. Белой ранний этап позднего энеолита характеризуется гаринской керамикой, а поздний (второй) — позднегаринской и новоильинской. К раннему энеолиту были отнесены памятники с воротничковой керамикой, накольчатой и с насечками¹⁴.

Анализ опубликованных данных и знакомство с материалами поселения Сауз II дают возможность предложить иную интерпретацию. В раскопе 1 (жилища 1—2) найдено 5 типов посуды: хуторская (энеолитическая гребенчатая), воротничковая, новоильинская, накольчатая, гаринская; присутствует, видимо, и керамика эпохи бронзы¹⁵. Судя по приведенным статистическим данным, все типы керамики залегают равномерно от поверхности до дна жилищ. Причем 2 развала энеолитических сосудов найдены на дне жилища¹⁶.

В раскопе 3 (жилище 3) найдены 3 основных типа керамики: воротничковая, новоильинская и гаринская. Статистические данные не приведены. Указано лишь на общее поглубинное залегание типов керамики и отмечено, что возле очага жилища найдены развалы 7 гаринских сосудов. Тем не менее по таблице видно, что все типы посуды встречаются равномерно от поверх-

ности и до дна жилища, т. е. так же, как и в жилищах 1—2. Обращает внимание крайне небольшое число фрагментов (всего около 450), тогда как в раскопе 1 обнаружено около 50 тыс. черепков.

Суммируя данные всех раскопов, можно сделать два основных вывода: 1. Поглубинное расположение всех типов керамики указывает на отсутствие какой-либо стратиграфии. На максимальной глубине слоя, т. е. в жилищах, присутствуют практически все виды керамики; 2. Наложение одного жилища на другое можно интерпретировать по-разному. Нам представляются вероятными два варианта.

Первый. Выходы жилища 1 в сторону жилищ 2 и 3 были обычными соединительными переходами. **Второй.** Жилище 1 является более поздним, и при его постройке выходы из него были устроены в заброшенных котлованах жилищ 2 и 3. В пользу второго варианта говорит то, что оба выхода жилища 1 четко оконтуривались. Против — выходы прослеживались (почти в полном размере) до уровня полов жилищ 2 и 3, что не характерно для их устройства, хотя и встречается на многих памятниках.

По всей видимости, на поселении Сауз II культурный слой нарушался неоднократно как в древности, так и в наши дни. О распашке поверхности саузовских поселений писал еще в середине 1960-х гг. О. Н. Бадер. Трудно говорить и о разновременных группах гаринской керамики. В целом она является позднегаринской. Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить ее с раннегаринской посудой поселений Бор I или Астраханцевского. Можно также отметить, что посуда из «поздних» жилищ 1—2 типологически (особенно по орнаменту) выглядит более древней, чем из жилища 3.

Среднее и Верхнее Прикамье. Стратиграфическое положение новоильинской керамики в этих районах О. Н. Бадер обосновывал по поселениям Заюрчим I и Тюремка I. На Заюрчим I В. П. Денисов проследил, что некоторые объекты с новоильинской посудой перекрывались борским слоем (с керамикой борского типа)¹⁷. Менее ясна стратиграфия поселения Усть-Паль, где найдено несколько типов керамики. Материал обоих памятников остался, к сожалению, неопубликованным.

Большое значение О. Н. Бадер придавал стратиграфии поселения Тюремка I. Она выглядела следующим образом. В культурном слое (за пределами жилищ) новоильинская керамика залегала выше гаринской, а в пределах жилищных впадин — в заплыве, т. е. в слое, перекрывавшем пол жилищ¹⁸. Основываясь на этом, он предполагал, что новоильинский слой отложился на памятнике позднее, чем гаринский. Представляется, что сделанные наблюдения можно интерпретировать по-другому. По всей видимости, на поселении Тюремка I зафиксирована часто встречающаяся так называемая обратная стратиграфия, когда

более ранний новоильинский слой был перекопан, а керамика выброшена за пределы строящихся гаринских сооружений. Позднее, после гибели жилищ, слой вокруг них сполз внутрь и отложился над их полами. Вместе с этим слоем попала и новоильинская керамика. Трудно согласиться с тем, что имелась стратиграфия и за пределами жилищ. Во-первых, раскопки памятника (как и многих других в ходе работ в зоне водохранилищ) велись только по контурам жилищных впадин, захватывая площадь в сторону от построек на 1—2 м, что затрудняет стратиграфические наблюдения. Во-вторых, анализ условий залегания новоильинской и гаринской керамики вне жилищ проводился по ограниченным материалам — 37 фрагментов. Малое количество находок объясняется бедностью культурных слоев поселений вне жилищ, на что неоднократно указывал О. Н. Бадер¹⁹.

Среднее Поволжье (левобережные районы). Стратиграфическая позиция новоильинских (красномостовских, по В. В. Никитину) памятников прослеживается по материалам нескольких поселений, в том числе Красный Мост III, где слой с рассматриваемой керамикой был прорезан жилищами позднеговолосовского времени²⁰. На поселении Дубовское VIII два новоильинских жилища разрушили слой с накольчатой керамикой, относимой исследователем к эпохе раннего металла, а на Дубовском IX протоволосовское жилище прорезало постройку с ямочно-гребенчатой посудой. Кроме того, В. В. Никитин проследжено залегание новоильинской посуды в нижних горизонтах слоя на поселениях Мариер, Баркужеры III, т. е. под волосовскими напластованиями.

Вятский край. Положение новоильинских комплексов определяется по нескольким памятникам. На поселениях IV Кочуровском и Среднее Шадбегово I новоильинские жилища (соответственно раннего и позднего этапов культуры) прорезали культурные слои среднего этапа хуторской культуры²¹. Причем на IV Кочуровском поселении было проследжено, что в северных участках раскопа новоильинский слой залегал выше неолитического и отличался от него по цвету. Еще одно наблюдение сделано на поселении Аркуль IV, где жилище с раннеюртиковской керамикой прорезало новоильинский слой²².

Таким образом, стратиграфические наблюдения позволяют считать, что слои с новоильинской керамикой залегают выше неолитических, но ниже гаринских-юртиковских и волосовских.

Радиоуглеродное датирование. В настоящее время автору известно 17 дат по С-14 для энеолита лесной зоны Волго-Камья, 3 из них относятся к новоильинской культуре: поселение Усть-Очер I, уголь из очага — 4640 ± 40 (2690 ± 40 до н. э.) ЛЕ 2743 (устная информация А. Ф. Мельничука); Дубовское VIII на Средней Волге — 4360 ± 50 (2410 ± 50 до н. э. — устная информация В. В. Никитина)²³. Еще одна дата по Среднему Шадбегову I уже публиковалась — 3710 ± 40 (1760 ± 40 до н. э.). По мне-

нию В. В. Никитина, дата по Дубовскому VIII несколько омоложена из-за влияния современных факторов; учитывая знакомство с материалом, автор статьи согласен с мнением исследователя. Представляется, что датировка памятника должна быть в пределах 2-й четверти — середины III тысячелетия до н.э. Комментарии к дате по Среднему Шадбегову I уже проводились, что избавляет нас от повторений²⁴.

Палинология. Эти данные малочисленны и получены лишь для территории Нижнего Прикамья. В. К. Немковой изучались споровопыльцевые спектры из культурных слоев поселений Татарско-Азиевского, Золотая Падь, Дубовая Грива и др., содержащих неолитические материалы²⁵. Судя по ее данным, поздне-неолитические и ранне-неолитические памятники существовали в первой половине суббореала. Серединой и второй половиной суббореального периода она датирует развитие гаринской культуры и более поздние культуры бронзового века.

Данные типолого-сравнительного метода. Все исследователи, изучавшие новоильинские памятники, отмечали близость их керамики к неолитической. Действительно, по форме сосудов и венчиков, примеси в глиняном тесте, технике нанесения узоров и их композиционному размещению новоильинская посуда во многом напоминает керамику хуторской неолитической культуры с гребенчатым орнаментом. Основываясь на этом, можно полагать, что в технико-типологической схеме она занимает место между поздне-неолитической и поздне-неолитической (гаринско-борской, юртиковской и волосовской) керамикой. Однако в вопросе определения конкретного места культуры точки зрения специалистов различаются. Мы уже отмечали, что существуют два мнения о датировке новоильинской культуры: ранний энеолит и поздний. Вариантность в пределах одной позиции заключается в том, что, например, И. Б. Васильев и Р. С. Габышев, признавая ранне-неолитический возраст новоильинских древностей для Нижнего Прикамья, в то же время поддерживают версию О. Н. Бадера о появлении новоильинцев в Среднем Прикамье в позднегаринский период.

Наиболее последовательно позицию О. Н. Бадера о поздне-неолитическом возрасте новоильинской культуры отстаивает А. А. Выборнов²⁶. Он предполагает, что по технико-типологическим данным наблюдается явная близость новоильинской и позднегаринской посуды. В совокупности с другими фактами это еще раз указывает на одновременное их существование. Для доказательства он приводит следующие доводы: 1. Одинаковая толщина фрагментов, сходство некоторых форм сосудов, венчиков и типов штампов; 2. Наличие «гибридной» керамики — технология изготовления гаринская, а штампы и узоры — новоильинские; 3. Наличие тенденции сближения новоильинской керамики с поздне-, а не с раннегаринской; 4. Сходство новоильинской и борской посуды.

Кроме того, по мнению А. А. Выборнова, существование «гибридной» керамики, а значит, одновременность новоильинских и позднегаринских памятников, подтверждается сравнительным анализом материалов, в частности, 4 памятников: новоильинского Сауз II с ранненовоильинским IV Кочуровским, раннегаринским Бор I, борским Бор V и позднегаринским Сауз II; позднегаринского Сауз II с Бор I и Бор V, а также ранненовоильинского IV Кочуровского с Бор I и Бор V.

Отметим, что с точкой зрения А. А. Выборнова отчасти совпадает позиция Т. М. Гусенцовой, которая считает возможным синхронизировать ранненовоильинские памятники (типа IV Кочуровского) с раннеюртиковскими, раннегаринскими и ранневолосовскими²⁷. Рассмотрим вышеизложенные аргументы.

Одинаковая толщина фрагментов, сходство некоторых форм сосудов и венчиков, а также типов штампов вряд ли могут быть аргументом в доказательстве синхронности каких-либо групп керамики, а следовательно, и памятников. Такое «сходство» можно установить между посудой как разновременных, так и территориально удаленных культур.

Далее. По мнению А. А. Выборнова, статистический анализ указывает на то, что прослеживается тенденция сближения новоильинских материалов именно с поздними, а не ранними гаринскими. На наш взгляд, избранная методика не достигает цели. Во-первых, чтобы доказать это, целесообразнее сравнивать новоильинские комплексы именно с позднегаринскими, причем отдельно по каждому району — Нижнему и Среднему Прикамью. Во-вторых, учитывая, что гаринская, юртиковская и волосовская культуры одновременны, а новоильинские памятники Вятки, Средней и Нижней Камы, по А. А. Выборнову, синхронны (за исключением икско-бельских), необходимо было провести соответствующее сравнение и показать, что на Вятке, Средней Каме, а значит, и на Средней Волге новоильинские древности также одновременны позднегаринским, позднеюртиковским и поздневолосовским.

И в-третьих, мнение О. Н. Бадера о том, что новоильинские и гаринские памятники отражают культуру и традиции в развитии местного волго-камского населения, никто не оспаривает. Следовательно, было бы удивительно, если бы выделяемая ими посуда имела разные формы, типы штампов и в целом сильно видоизменялась на каждом этапе (раннем и позднем) развития и новоильинцев, и гаринцев.

О борских памятниках. Вряд ли можно использовать и тезис о сходстве традиций в изготовлении новоильинской и борской посуды как еще одно доказательство в пользу позднегаринского возраста новоильинской культуры. Впервые о близости, а точнее об участии новоильинцев в генезисе борцев, писал О. Н. Бадер. Его точка зрения воспринята археологами и в целом не вызывает возражений. Однако в данном случае

А. А. Выборнов без новых фактов поддерживает основную часть гипотезы О. Н. Бадера о том, что взаимодействие и слияние позднегаринского и новоильинского населения привело к сложению борской культуры, или борского этапа, по О. Н. Бадеру.

Не останавливаясь подробно на этом вопросе, сделаем ссылку на новые работы по хронологии гаринских и борских памятников, основанные именно на типологическом анализе керамики и каменного инвентаря, в которых обосновывается точка зрения об одновременном бытовании борских и раннегаринских памятников²⁸. Не исключен вариант, что сложение первых могло начаться даже раньше, т. е. в догаринское время.

И последнее. Сравнение памятников через индексы родственности вполне правомерно. Однако для анализа значимости последних крайне важно знать, какие признаки, показатели брались за основу, включались в число характерных черт. К сожалению, они не указаны.

Таким образом, можно согласиться с мнением А. А. Выборнова о сложности изучения хронологии новоильинской культуры, но фактический материал не позволяет принять его выводы. Здесь интересно вспомнить замечание О. Н. Бадера о неправдоподобности конструируемых схем, высказанное им в связи с рассматриваемой проблемой²⁹. Действительно, новоильинские памятники открыты сейчас во всем Волго-Камье. И если встать на позицию А. А. Выборнова, то надо полагать, что после неолита в регионе существуют культуры гаринская, борская, юртиковская, волосовская, которые в середине своего развития заменяются или начинают сосуществовать с новоильинской. При этом происходит возврат (частичный или полный) к старым неолитическим традициям в технологии изготовления, формах сосудов и орнаментации керамики. Возможно ли это, если новоильинцы — местное население? Вряд ли. Замечание О. Н. Бадера можно было бы раскрыть и в этно-генетическом плане, но это увело бы нас к вопросу о сложении культур.

Поэтому, учитывая вышеизложенное, автор считает, что новоильинская культура хронологически должна находиться между поздним неолитом и началом позднего энеолита (гаринская, юртиковская и волосовская культуры). Только в этом случае новоильинская керамика (не говоря уже о кремневом инвентаре) займет свое типологическое место, а в развитии керамического производства можно будет проследить преемственность от неолита до позднего энеолита.

В последние годы появились новые даты по С-14. И если они отчасти подкрепляют данные стратиграфии и типологии новоильинских памятников, указывая на первую половину — середину III тысячелетия до н. э., то для внутренней периодизации их слишком мало. Поэтому последняя может быть разработана пока лишь предварительно. Сейчас можно говорить о ранних и поздних новоильинских памятниках. К числу ранних относятся

поселения Кочуровское IV и Арбажский льнозавод в бассейне Вятки; III Гагарское, III Русско-Азиебейское и II Татарско-Азиебейское в бассейне Камы; Красный Мост I—II на Средней Волге; к поздним — Среднее Шадбегово I в бассейне Вятки; Бор IV, Тюремка I, Усть-Очер I, Зверево, Сауз II в бассейне Камы.

Керамика ранних памятников еще значительно напоминает неолитическую. Она изготовлена с примесью шамота, песка и редко с добавкой органики. Толстостенна, имеет закрытые или прямостенные формы, венчики чаще округлые и приостренные. Орнамент покрывает всю поверхность сосудов. В изготовлении орудий использовалась пластинчатая техника. Набор типов орудий во многом повторяет поздненеолитические формы. В поздних памятниках распространяются сосуды с примесью органики, но еще значителен процент посуды с плотной фактурой³⁰. Большинство сосудов имеет прямые стенки, много изделий с широкооткрытым горлом. Более разнообразными становятся венчики и орнамент, часть посуды слабо украшена. Набор каменных орудий расширяется за счет увеличения количества типов. Появляются наконечники стрел с усеченным основанием (Чусовской р-н, Прикамье). В целом каменный инвентарь приближается к типологии и номенклатуре изделий культур позднего энеолита.

В настоящее время хорошо представлены ранненовоильинские памятники. В Нижнем Прикамье на примере стоянок Русско-Азиебейской (финальнонеолитической) и III Русско-Азиебейской, II Татарско-Азиебейской, Старонагаевского могильника достаточно наглядно прослеживается переход от неолита к энеолиту. Однако в этом районе пока не открыты поселения, отражающие финал новоильинской культуры, и раннегаринские. На Средней Волге новоильинские памятники также отражают лишь ранний этап, и пока не известны поздние поселения, непосредственно предшествующие ранневолосовским типа Майданского.

Разрабатывая хронологию новоильинских древностей, надо учитывать и возможные варианты. Например, по каким-то причинам Нижнекамский район (или часть его) мог быть не заселен в раннегаринское время. Значит, наши попытки отыскать здесь поздненовоильинские и раннегаринские поселения могут оказаться безуспешными. В связи с этим отметим, что, по мнению автора, поселения Сауз I—IV не отражают финал новоильинских древностей в этом районе. Подобные ситуации можно также предполагать и для других районов. Поэтому в изучении новоильинской культуры (как и других культур) надо пытаться использовать как макро-, так и микроподход.

Таким образом, новоильинская культура представляется как пласт памятников, отражающих начало новой энеолитической эпохи в Волго-Камье. Это своеобразное культурное постнеолитическое явление, сохранившее черты крупной общности, уна-

следованные от хуторской культуры. И если в неолите специфика отдельных районов в большей степени определялась интокультурным влиянием, то в энеолите более ярко проявились уже собственные особенности развития отдельных территорий. Центробежные тенденции приводят к выработке локальных черт в материальной культуре, вследствие чего в позднем неолите в Волго-Камье фиксируется сложение трех культур: гаринской, юртиковской и волосовской.

¹ См.: Бадер О. Н. Поселения у Бойцова и вопросы периодизации среднекамской бронзы // ОКВАЭ ИА АН СССР. М., 1961. Вып. 2. С. 269; Он же. Поселения турбинского типа в Среднем Прикамье // МИА. 1961. № 99. С. 190—191, 194—196.

² См.: Габяшев Р. С. Второе Татарско-Азиебское поселение // Древности Иско-Бельского междуречья. Казань, 1978; Он же. Итоги раскопок III Русско-Азиебской стоянки // Об исторических памятниках по долинам Камы и Белой. Казань, 1981; Выборнов А. А. «Флажковый» комплекс керамики Нижней Белой // Новые памятники археологии Волго-Камья. Йошкар-Ола, 1984.

³ См.: Никитин В. В. Красноостовские поселения финального неолита: (Предварительный анализ) // Проблемы изучения каменного века Волго-Камья. Ижевск, 1984; Он же. Некоторые проблемы изучения неолита — энеолита Среднего Поволжья // Энеолит лесного Урала и Поволжья. Ижевск, 1990.

⁴ См.: Наговицин Л. А. Энеолит бассейна р. Вятки: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1983; Крайнов Д. А., Наговицин Л. А. Энеолит центра Русской равнины и Приуралья // Эпоха бронзы лесной полосы СССР: Археология СССР. М., 1987. С. 29—31.

⁵ См.: Габяшев Р. С. Второе Татарско-Азиебское поселение; Он же. Итоги раскопок III Русско-Азиебской стоянки.

⁶ См.: Выборнов А. А. «Флажковый» комплекс керамики Нижней Белой; Он же. Неолит и эпоха раннего металла правобережья Нижней Белой: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1984.

⁷ См.: Гусенцова Т. М. Мезолит и неолит Камско-Вятского междуречья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1981; Она же. Поселение Кочуровское IV в бассейне р. Кильмезь // Памятники эпохи неолита и бронзы в бассейне р. Вятки. Ижевск, 1980. С. 83, 93.

⁸ См.: Наговицин Л. А. Энеолит бассейна р. Вятки; Крайнов Д. А., Наговицин Л. А. Энеолит центра Русской равнины и Приуралья; Наговицин Л. А. Культурно-хронологическое соотношение гаринских и борских памятников Прикамья // Энеолит лесного Урала и Поволжья.

⁹ См.: Никитин В. В. Красноостовские поселения финального неолита; Он же. Некоторые проблемы изучения неолита — энеолита...

¹⁰ См.: Мельничук А. Ф. О памятниках борского типа в Прикамье // Энеолит лесного Урала и Поволжья.

¹¹ См.: Габяшев Р. С. Итоги раскопок III Русско-Азиебской стоянки; Васильев И. Б., Габяшев Р. С. Взаимоотношение энеолитических культур степного, лесостепного и лесного Поволжья и Прикамья // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. Куйбышев, 1982.

¹² См.: Васильев И. Б., Габяшев Р. С. Взаимоотношение энеолитических культур...

¹³ См.: Бадер О. Н., Выборнов А. А. Саузовская II стоянка в устье реки Белой и некоторые проблемы энеолита Приуралья // Энеолит Восточной Европы. Куйбышев, 1980; Выборнов А. А., Овчинникова Н. В. Итоги изучения поселения Сауз II (1980) // Древние и средневековые культуры Поволжья. Куйбышев, 1981; Выборнов А. А. «Флажковый» комплекс керамики Нижней Белой; Выборнов А. А., Елизаров А. Б., Овчинникова Н. В.

Поселение Сауз II и проблема периодизации эпохи раннего металла Нижней Белой // Древности Среднего Поволжья. Куйбышев, 1985.

¹⁴ См.: **Выборнов А. А.** Неолит и эпоха раннего металла правобережья Нижней Белой.

¹⁵ См.: **Выборнов А. А., Овчинникова Н. В.** Итоги изучения поселения Сауз II. С. 49.

¹⁶ См.: Там же. С. 36.

¹⁷ См.: **Бадер О. Н.** Поселения турбинского типа... С. 194.

¹⁸ См.: **Он же.** Поселения у Бойцова... С. 218.

¹⁹ См.: Там же. С. 111. Рис. 70—74.

²⁰ См.: **Никитин В. В.** Красноостовские поселения финального неолита... С. 32.

²¹ См.: **Гусенцова Т. М.** Поселение Кочуровское IV в бассейне р. Кильмезь. С. 70. Табл. А; **Наговицин Л. А.** Периодизация энеолитических памятников Вятского края // Проблемы изучения каменного века Волго-Камья. Ижевск, 1984. С. 114.

²² См.: **Наговицин Л. А.** Периодизация энеолитических памятников... С. 114.

²³ Приношу глубокую признательность А. Ф. Мельничуку и В. В. Никитину за разрешение использовать неопубликованные материалы и данные.

²⁴ См.: **Наговицин Л. А.** Периодизация энеолитических памятников... С. 118.

²⁵ См.: **Немкова В. К.** Стратиграфия поздне- и посленеолитических отложений Приуралья // К истории позднего плейстоцена и голоцена Южного Урала. Уфа, 1978. С. 44.

²⁶ См.: **Выборнов А. А.** Неолит и эпоха раннего металла...; **Он же.** «Флажковый» комплекс керамики Нижней Белой; **Выборнов А. А., Елизаров А. Б., Овчинникова Н. В.** Поселение Сауз II...

²⁷ См.: **Гусенцова Т. М.** Поселение Кочуровское IV...; **Она же.** Мезолит и неолит Камско-Вятского междуречья.

²⁸ См.: **Мельничук А. Ф.** О памятниках борского типа в Прикамье; **Наговицин Л. А.** Культурно-хронологическое соотношение...

²⁹ См.: **Бадер О. Н.** Поселения турбинского типа... С. 190.

³⁰ См.: **Наговицин Л. А.** Периодизация энеолитических памятников... С. 105.

В. В. НИКИТИН
Марийский Институт языка, литературы и истории

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СИТУАЦИЯ В КОНЦЕ НЕОЛИТА И В ЭНЕОЛИТЕ НА ЛЕВОБЕРЕЖЬЕ СРЕДНЕЙ ВОЛГИ

Источниковедческая база по древней истории Волго-Камья периодов неолита и энеолита непрерывно пополняется. Новые материалы заставляют вносить определенные коррективы в ранее сделанные выводы, в том числе и в те, которые казались наиболее обоснованными и не вызывали возражений среди специалистов. Цель данной статьи состоит в уточнении позиций автора по некоторым проблемам позднего неолита — энеолита Среднего Поволжья.

В настоящее время в левобережье Среднего Поволжья выделено 3 неолитические культуры: с ямочно-гребенчатой, гребенчатой, накольчатой керамикой. Наиболее многочисленны па-